

Sergei Zotov

Russian Federation, Taganrog

Chekhov Taganrog Institut, the branche of Rostov State University of Economics

Existential Motives in the Novel „Sankya“ by Z. Prilepin

A novel “Sankya” by Z. Prilepin is intricately connected with Russian life at the beginning of the XXI century. and literary tradition. Critique points to a connection with the works of M. Gorky and F. Dostoevsky, considers it as a continuation of Russian realistic literature, however, the connection of Prilepin’s novel with the literary position of E. Limonov and existentialism seems more significant. The article shows the similarities and differences between the characterology and poetics of the two writers. Prilepin’s characters find the possibility of positive action in the face of denial of reality, they are united by a sense of kinship. The moral-volitional activity of Tishin and other characters is not motivated by ideas, but by experiencing the basic existential phenomena of human existence – love and death.

Key words: Realism, characters, autopsychology of prose, existential phenomena.

С.Н Зотов

Россия, Таганрог

ТИ имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)

Экзистенциальные мотивы в романе З. Прилепина «Санькя»

1.

Понимание смысла романа З. Прилепина «Санькя» зависит от решения двух взаимосвязанных вопросов: об отнесенности произведения к наличной социальной действительности и к действительности литературной, т.е. традиции. Исследователь литературы всегда имеет в виду эту проблему референциальности текста. Так каждый раз заново описывается основополагающее един-

ство «художник – действительность – искусство», обнаруживающее качество творческой личности и культурно-исторической эпохи.

О.С. Сухих рассматривает прямые «текстуальные совпадения» произведений «Мать» и «Санька», сходство «сюжетной ситуации», а также сходство «двух текстов – на уровне характерологии и философско-этической проблематики (а последняя порождает ассоциации ещё и с произведениями Достоевского...)» (Сухих 2008: 290). Подробный сопоставительный анализ приводит автора к выводу: «Романы М. Горького и З. Прилепина отразили свои эпохи, писатели сказали каждый своё слово о “героях времени”» (Сухих 2008: 295). «И всё же эти произведения доказывают, что обе эпохи породили сходные психологические типы, одни и те же нравственно-философские вопросы и пути их решения» (Сухих 2008, 296). Автор статьи усматривает также общность писателей Достоевского, Горького и Прилепина в воплощении «диалектики добра и зла», что указывает на связь романа «Санька» с русской литературной традицией XX и XIX вв. (Сухих 2008: 297).

О.С. Сухих развивает свои сопоставления в контексте современной литературной критики со ссылкой на статьи авторитетных критиков Басинского П.В., Данилкина Л., Сычёвой Л. (Сухих 2008: 290). Анализ образа героя как в основном реалистического даётся и в других статьях (Костырко 2006:175-182; Беляков 2006: 171–175). Критик В. Бондаренко пишет: «Роман Прилепина «Санька» может стать для поколения своеобразным манифестом социального поведения, новым вариантом «Как закалялась сталь» в новых условиях, с новыми общественными проблемами, но с проповедью всё того же отчаянно русского героического максимализма».

О.С. Сухих и другие рассматривают роман Прилепина как продолжение реалистической традиции Горького в русской литературе, как отражение социально-нравственных обстоятельств соответствующих эпох, породивших сходные человеческие характеры, идейные течения и общественную практику. Нравственно-психологическому облику горьковских Павла Власова, А. Находки, Н. Весовщикова соответствуют у Прилепина человеческие качества Тишина, Негатива, Вени, Рогова и др. Понятие реализма относительно названных авторов в данном случае не обсуждается специально,

но имплицитно присутствует в исследовательской мысли, образует основу для сопоставлений и выводов.

Однако наглядность параллельных образов и мотивов романов Прилепина и Горького указывает на осознанность приёма, подчёркнутую речевой стилистикой: «в этих произведениях заметно даже сходство авторской пунктуации – частое и синтаксически не мотивированное использование тире, подчеркивающее экспрессивность конструкции или логику мысли» (Сухих 2008, 290). Эта связь двух произведений через столетие толкуется критикой преимущественно тематически, как повторение ситуации в новых условиях, т.е. наивно-реалистически, однако взаимосвязь текстов представляется более сложной: видимая подражательность Прилепина представляет собой новую художественную интенцию современного автора и скорее указывает на своеобразное «зеркальное» расподобление текстов. Интертекстуальная связь в данном случае скорее напоминает постмодернистскую игру. «Маркированный» текст Прилепина представляет собой более сложную художественную действительность, чем устанавливаемая в статье О. Сухих линейная преемственность сходных художественных решений.

2.

Тематический анализ-сопоставление проводился так, как будто речь идёт об однородных литературных явлениях, о единой традиции – классическом реализме. Критики и исследователи пытаются решить вопрос, каков главный герой Санька, он «идейный борец или жертва идеологии, личность или часть массы» (Богатырёва). А. Проханов обосновывает связь произведения с действительностью, привлекая внелитературные факторы: «Роман этот о лимоновцах, о ядовитой, отважной, беспощадной, кровавой даже среде, в которой куется новая революция. Книга предельно откровенная» (Проханов 2019). А. Проханов снова выражает наивно реалистический взгляд на произведение, продиктованный знанием реальных политических обстоятельств, подчёркивает социальную, тематическую составляющую: изображение «среды», предвестье «новой революции». Между тем своего молодого соратника приветствовал Э. Лимонов: «Литературное событие года – это книга моего партийного товарища Захара

Прилепина «Санька». Я пожалел, что не я ее написал. Он меня опередил» (Лимонов 2019). Это очень важное признание. Проза Лимонова, при всей её идеологической скандальности, художественно вполне реалистична и традиционна, вполне сравнима с автобиографической трилогией Горького. Несомненно, имея в виду прозу Лимонова, Прилепин не следует в литературе за вождём «нацболов».

Французский писатель Эммануэль Каррер пишет: «Мне очень нравится Прилепин. Он – отличный писатель. Прилепин близок к Лимонову, но с литературной точки зрения они очень разные, Прилепин гораздо человечнее, трогательнее. Меня он, кстати, гораздо больше трогает, чем Лимонов. Несмотря на то, что внешне он brutalный тип с бритым черепом, в его книгах столько нежности, доброты и тепла» (Каррер 2019).

В автопсихологической прозе Лимонова о его харьковском отрочестве не изображается политика, «если она и есть, – пишет автор, – то не в лоб, как это было в произведениях советских писателей» (предисловие к книге «Подросток Савенко»). Однако автор считает, что ему «удалось показать довольно плотный кусок жизни». В автобиографической прозе Лимонова не обнаружена отчетливая детерминированность человека, мотивы социальной обусловленности характеров даны имплицитно, – их породила «великая эпоха» и воображение юного мечтателя с окраины большого промышленного города. Зато сами характеры изображены в своей энергичной экзистенциально-волевой действенности. Лимонов проводит этот принцип последовательно, смещает акцент на личность, и в этом заключается, возможно, средоточие его стиля или даже – индивидуального творческого метода, напоминающего о романтизме прошлых эпох.

Лимонов объясняет нравственно-психологическое поведение подростков на биологическом основании, не углубляясь в его социокультурную обусловленность, в характеристику «великой эпохи» – таково лимоновское определение особого промежутка в развитии советского общества между окончанием Великой Отечественной войны и Оттепелью. Персонажи действуют «В поисках общества противоположного секса и приключений, позволяющих нам убедиться и утвердить нашу мужскую силу, репутацию, повинуюсь

обычным биологическим толчкам, заставляющим подростков искать общества девочек и других подростков». «Маленькие мужчины конфликтуют постоянно и открыто, однако я не помню, чтоб у него были проблемы с кем-либо. Маленькие мужские животные, очевидно, понимали, что Толмачев намерен прожить жизнь, не простив ни одной обиды, ни одного толчка» («Дешёвка никогда не станет прачкой...» из книги «Великая мать любви»). Лимонов подчёркивает аристократизм вора «по призванию» Толмачёва как человеческое качество в его, так сказать, чистом виде, вне зависимости от социального или имущественного статуса. Чувство собственного достоинства у Толмачёва превратилось в воровскую ухватку. Лимонов не даёт подробной социально-психологической мотивировки персонажа, только неизменную нравственно-психологическую и волевую установку.

Персонаж из рассказа «Working class hero» («Герой рабочего класса») охарактеризован аналогичным образом. «Меня восхищает не Юркина жизнь, каковая была неразумной жизнью молодого бандита, но его поведение в момент чтения приговора, то, как он этот приговор — смерть — воспринял, его улыбка всеми зубами, его выход из зала. Пусть чекисты и волокли Юрку, героическая мощь молодого принца, наследника престола, безгливое превосходство исходило от его компактной и стройной фигурки. Он вел себя как лидер мексиканской революции (я видел фотографию этого лидера в журнале «Куба») в момент расстрела: руки в карманах, сигара — последнее желание — в зубах и улыбка. Следует быть хорошо вооружённым теоретически, чтобы вести себя так. Следует быть уверенным в своей принадлежности к избранной касте». Эта «избранность» взята Лимоновым, как говорят математики, «по модулю», – в абсолютном значении аристократизма, вне всякой социальной обусловленности, как экзистенциально значимое человеческое качество: «Ну да, его жизнь была неразумной короткой жизнью молодого бандита, свирепого шакала, но на смертный приговор он отреагировал героем Шекспира».

Восприятие повествователя, «подростка Савенко», отличается непосредственностью, даже своеобразной документальностью, однако в экзистенциально-волевом, а не социально-нравственно-

психологическом смысле. Его позиция характеризуется приятием чувства внутреннего достоинства Толмачёва или Юрки Бембея, но вне их протестного воровского модуса. У Савенко-повествователя есть собственное поприще – поэзия, литература; этот контекст наблюдателя обозначен, но остается за пределами повествования, однако спустя годы реализуется в том самом тексте, о котором сейчас идет речь. В конце концов, автопсихологический персонаж Лимонова спустя много времени превращается в анархиста, нигилиста, отрицающего всякое общество и государство, так как любая власть основана на насилии и несправедливости. Так возникает эстетическая позиция тотального отрицания, предельность существования персонажа на грани общественных условий («Дневник неудачника»).

3.

Экзистенциально-волевые предпосылки действий «союзников» у Прилепина лишь в основе своей соотносимы с характеристиками лимоновских персонажей: отрицание государства, сознание избранности, внутреннее чувство достоинства. Сходным образом в произведениях отсутствует развернутая социальная обусловленность характеров персонажей, мотивы поведения биологизируются. Однако отличительные черты персонажей указывают на иную художественную интенцию Прилепина. Место традиционных нравственно-социальных и психологических размышлений и сомнений персонажей в произведении Прилепина занимают физиологические характеристики, описания физического состояния персонажей в важные моменты сюжетно-тематического развития (например, по пути следования Тишина в поезде с целью убийства латвийского судьи). Персонажи Прилепина действуют не в мире сомнений и идей, а в пространстве непреложной решимости, источник которой – невербальное, инстинктивное переживание должного. Этот способ существования Саши Тишина основан на чувстве реальности, а не мысли о ней, на переживании экзистенциальных феноменов – любви и смерти. Экзистенциально-чувственное коренится в опыте Тишина, который переживается как жизнеобразующий, как источник нравственно-волевой деятельности человека. Рефлексию традиционного самосознания личности заменяет достоверность

чувства, точнее – интеллектуального переживания основных экзистенциальных феноменов человеческого бытия (см. об этом: Финк 1988: 357-360). Личностно-идеологическое замещается чувственно-экзистенциальным. Так возникает новая мотивировка протестного поведения персонажа.

Всем персонажам Прилепина свойственна нигилистическая предельность в отрицании государства, – причём, **этой** власти, а не власти вообще (как в «Дневнике неудачника»). Действия «союзников» направлены против стражей порядка, чиновников разных рангов, наконец, против самого главы государства, что приводит затем к их поражению. Это исходный пункт протеста Тишина и «союзников». «Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, дающее свободу подлым и пошлым, – отчего было терпеть его? К чему было жить в нём, ежеминутно предающем самоё себя и каждого своего гражданина?» (Прилепин 2018: 127, 128). Бесстрашие персонажей выражается в подчёркнутой спокойной готовности выносить лишения тюрьмы, – предельное наказание за неповиновение, – в тексте даются прямые характеристики Тишина, Негатива, Вени в этом отношении. Тюрьма – символ гражданской смерти, насильственное изъятие человека государством из сообщества соотечественников. Мотивировки ненависти к государству, очевидно, коренятся в общности судеб персонажей, которая определена Тишиным как «безотцовщина».

В романе нет отчётливого ответа на вопрос Тишина о себе: «Какой я?» «Кто и какой?» (с.126). Нет существенных биографических предпосылок, рефлексия ему чужда. Многие рассуждения персонажа предполагают, как нам кажется, определенную интеллектуальную подготовку, образование, которые очевидно отсутствуют (в этом отношении ничего не известно ни об отце Тишина, ни о других персонажах). Есть лаконичный кодекс ясности позиции. «С тех пор, как повзрослел... всё стало очевидным. Неразрешимых вопросов больше не возникало. Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна» (с.127). О Негативе известно, что он воспитывался в школе-интернате, теперь мать в одиночку продолжает растить его и младшего брата. Эти и другие персонажи не детерминированы, даны в их экзистенциально-волевой действительности.

Тишин анархически смутно понимает, чего он хочет от государства: «я готов жить при любой власти, если эта власть обеспечивает сохранность территории и воспроизведение людей» (с.215). В ходе идеологического спора прилепинский персонаж принципиально отказывается от обоснования идеологии: «... никаких идеологий давно нет... В наше время идеологичны... инстинкты! Моторика! Интеллектуальное менторство устарело, безвозвратно исчезло» (с.216). Такая натурализация, биологизация жизненной позиции персонажа является принципиальной основой существования, формой своеобразной тишинской экзистенции. «Ни почва, ни честь, ни победа, ни справедливость – ничто их перечисленного не нуждается в идеологии... Любовь не нуждается в идеологии. Всё, что есть в мире насущного, – всё это не требует доказательств и обоснований» (с.216). Такое общее «чувство родства» объединяет избранных в борьбе за передел мира, за власть». «Мне выпало счастье знать людей, с которыми не запахло умереть» (с.217).

Родство, скрепляемое безграничным движением – готовностью отдать за достижение цели не только свободу, но и саму жизнь, – имеет иное, частное, даже интимное, измерение. «Чувство родства» возникает индивидуально, а не на почве доктрины, «прорастает в человеке... в детстве... избавиться от него нельзя» (с.218). Любовь понимается здесь в её всеобъемлющей сущности, основанной на живом чувстве, на всепроникающей чувственности, восходящей от низших форм эротики к переживаниям высшего порядка (см. о таком единстве переживания любви у Платона и Плотина: Зотов 2001: 187,188). В отличие от сартровского человека, вынужденного постоянно делать нравственно-практический выбор, выбирать себя по отношению к миру (см. об этом: Косиков 1987: 484) герой Прилепина глубоко чувствует и понимает: «Если у тебя есть любовь – у тебя уже нет выбора. И если у тебя Родина... Здесь так же...» (с.219).

Любовь переживается героем Прилепина как экзистенциальный феномен (см. об экзистенциальных феноменах: Финк 1988: 357-368). Сила и качество чувства родства выражена в словах А. Блока «О, Русь моя! Жена моя!..», которые означают национальную отнесенность лирического героя помимо идеи, выраженной заглавием цикла стихов – «На поле Куликовом». Образ имеет библейский источник: «По-

тому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2:24). Саше Тишину дано экзистенциальное переживание любви благодаря чувственной связи с Яной. Необычно подробная и вместе с тем достаточно сдержанная эротическая сцена передает телесное взаимопроникновение, взаимодействие мужского и женского. Герой переживает плотскую связь как слияние, как бы чувствует внутри женщины, как сливаются тела. Смысл библейской фразы из книги Бытия – это родство по плоти – для порождения новой жизни, – а не по происхождению или убеждению. Из склонности и желания возникает страсть, которая и есть любовь.

Это родство по любви-плоти, непосредственно чувственное экзистенциальное переживание, единственно чувству Родины, которое возникает у героя и в связи с переживанием другого экзистенциального феномена – смерти. Деревенская форма имени – «Санька», заглавие книги, – будто окрик героя из глубины его рода, обречённого на вымирание. Из безраздельности собственного одиночества, в частности, связанного с опытом смерти отца, Тишин постигает переживание смерти бабушкой. Она говорила: «...кто бы мне сказал: иди тысячу дён, босиком, в любую зиму, чтобы сыночков увидеть своих, и я бы пошла. Ничто не говорить, не трогать, просто увидеть, как дышат» (с. 41, 42). Чувство родства-крови не знает успокоения, хоть говорила она внешне спокойно. «Чёрный ужас», «почти невысказанное одиночество» бабушки неизбежно: «Но она не в силах была наделить Сашу чертами его отца, почувствовать в нём свою – отданную когда-то сыну и проросшую во внуке – кровь» (с.49).

Переживание любви и смерти как экзистенциальных феноменов, мотивированное физиологически, – плотью и кровью – есть выражение чувства родства, и у персонажей нет выбора. «Лучшим людям на земле», как называет своих сподвижников Тишин, изначально свойственно «врождённое чувства собственного достоинства. А потом, быть может, случайно, в их общий кодекс норм неделимых пацанских понятий вошло такое слово, как «Родина». Это всё и решило». «Безотцовщина в поисках того, кому они нужны как сыновья» (с.162) Это чувство собственного достоинства в «организме» молодых лю-

дей диктует, в частности, отношение к враждебным силам – власти, государству. Отношения притяжения и отталкивания придают целостность жизненной позиции героев «Союза созидателей», которая может быть определена как экзистенциальная.

Обнаруженный в произведении экзистенциально-нравственный модус жизнеутверждения персонажа обосновывается инстинктивно-биологически в связи с переживанием смерти и любви как экзистенциальных феноменов. Герой Прилепина не фиксируется на индивидуально-чувственном, анархическом, частном. В его образе отражается и теряет смыслообразующую значимость традиция идеологической литературы (Достоевский, Горький), сквозь которую проступают экзистенциальные мотивы. Такой «нетипичный» персонаж становится у Прилепина героем сложной прозы, в которой различимы признаки жанров экшен и антиутопии.

Литература:

Прилепин 2018: Прилепин, З. *Санька*. М., 2018. Цитаты по этому изданию даны в тексте с указанием в скобках страницы.

Беляков 2006: Беляков С. *Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции*. Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 171–175)

Бондаренко ... 2019: Бондаренко, Лимонов, Каррер, Проханов. *Отзывы критики о романе З. Прилепина «Санька»* [online]. <http://zaharprilepin.ru/ru/otzyvy/1-p.html>

Зотов 2001: Зотов С.Н. *Художественное пространство – мир Лермонтова*. Таганрог, 2001

Косиков 1987: Косиков Г.К. *Комментарии. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. М., 1987.

Костырко 2006: Костырко С. *По кругу*. Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 175–182

Сухих 2008: Сухих О.С. «Очень своевременные книги» (О традициях Ф.М. Достоевского и М. Горького в романе Захара Прилепина «Санька»). // *Филология. Искусствоведение*. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008, № 6, с. 290–296.

Финк 1988: Финк Э. *Основные феномены человеческого бытия*. Проблема человека в западной философии. М., 1988.